

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНТИНОМИЗМ И ПРОБЛЕМА НЕДОСТАТОЧНОСТИ Я

В. В. Шамаева

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2024 г.

Аннотация: целью работы является философская интерпретация проблемы антиномизма внутренней реальности человека. Данный антиномичный характер становится основной целью для разработки терапевтических программ, методов лечения в психиатрии. В этом контексте развивается также и традиция экзистенциально-феноменологической школы в практике терапии, которая стремится выйти за пределы детерминированности, структурированности и обусловленности жизни индивида. Человек, находясь в постоянном процессе восполнения нехватки бытия, обрекался на постоянную тревогу ввиду приобретения свободы осознания собственных смыслов. Экзистенциально-феноменологическая традиция дополняет классические установки как в философии, так и в психиатрии, преодолевает язык симптомов и позволяет интерпретировать человека в противоречивости его личностной и социальной реальности.

Ключевые слова: антиномизм, экзистенциализм, человек, коммуникация.

Abstract: the aim of the work is a philosophical interpretation of the problem of antinomianism of the inner reality of man. This antinomic character becomes the main goal for the development of therapeutic programs and treatment methods in psychiatry. In this context, the tradition of the existential-phenomenological school in the practice of therapy is also developing, which seeks to go beyond the determinism, structurality and conditionality of an individual's life. Man, being in a constant process of filling the lack of being, was doomed to constant anxiety due to the acquisition of freedom to realize his own meanings. The author notes that the existential-phenomenological tradition complements the classical attitudes in both philosophy and psychiatry, overcomes the language of symptoms and allows one to interpret a person in the inconsistency of his personal and social reality.

Key words: antinomianism, existentialism, man, communication.

Внутренняя реальность человека в антиномичной парадигме

Нечто непознаваемое кроется в любой личности. Исследователи удовлетворяют себя лишь частичным знанием о той вселенной, что им встречается. Но для Я «самопрояснение» оказывается труднейшей из загадок. Бесконечные самоанализы и наблюдения за внутренней жизнью часто только скрывают человека от самого себя. Личность всегда представляет собой нечто большее чем совокупность признаков, характеристик, биологических качеств. Человек не являет собой завершенное в себе бытие. Это, как правило, нечто неverifiedируемое. Ведь личность является бесконечной в своих выборах и возможностях, формирующей в каждый следующий момент времени свою судьбу. Отчего немецкий философ и психиатр Карл Ясперс делает вывод, что человек совершенно не может быть познан во всей своей полноте. Целое является лишь идеей. «Единое – это индивид, который бесконечен; когда я хочу познать такое единство, оно распадается на различные модусы индивидуального существования...» [1, с. 903]. Относиться к человеку как к объекту в попытках его исследования будет оз-

начать лишить его свободы, коей он обладает, а следовательно, такая попытка будет являться неудачной.

Объектом же успешного исследования по меркам науки может стать лишь нечто изолированное и четко определенное. Природа человека, в свою очередь, фрагментарна и незавершенна. Она представляет собой «бесконечную потенциальность», открытую возможность, но отнюдь не схему. Вечная борьба с самим собой – вот, что сопутствует жизни человека как свидетельство отсутствия четко намеченного плана существования. Сражение ведется как с внешним миром и коллективом за свое индивидуальное, так и с самим собой за совершение того или иного выбора. «Человек осуществляет себя в определенных феноменах – поступках, мыслях, символах; и он все время восстает против этих ставших определенными феноменов, против того, что было утверждено им же самим» [1, с. 915]. Личность находится в непрерывном процессе формирования себя. Утверждая решение за решением, человек строит для себя фундамент внутреннего, то, на что сам в себе он смог бы положиться.

События новейшей истории поставили вопрос о бессмысленности классических взглядов на существование человека, обнаружив неустойчивость и

хрупкость человеческого бытия. Постигание сущности человека было и остается вечной философской проблемой. Одним из вариантов ответа на данный вопрос становится философское течение, возникшее в XX в. — экзистенциализм. Подвергаются критике, ставшие уже традиционными, взгляды на человека как рационального и разумного существа, оторванного от реального жизненного опыта личности. В данном случае мы можем обратиться к произведениям С. Кьеркегора, которые наполнены самоанализом, собственными переживаниями, они направлены внутрь. Именно в себе каждый человек должен искать точку отсчета этого мира. Для Кьеркегора систематизация только разрушает личность. Он стремился к инвертированной философии, способной проникнуть в самую суть человека, в его экзистенцию. Кьеркегор заменяет «бытие» на «экзистенцию», «существование». Экзистенция понимается как непосредственный опыт переживания человеком своего существования.

Так, впоследствии Ж.-П. Сартр обрушивается с критикой на эмпиричность существующих учений, будь то психология или же позитивизм. Наука, наблюдая только за фактами, упускает подлинный предмет философии, а именно, то неповторимое, интимное и глубоко индивидуальное, не лежащее на поверхности содержание человека. Важнейшей задачей теперь становится поиск смысла существования. «Тяжелая ситуация человеческого одиночества разрешилась в двадцатом столетии появлением экзистенциализма, разрубившего гордые узлы детерминированности и свободы аксиоматическим утверждением свободы как основания экзистенции. Несмотря на этот решительный шаг «в обход» принципа обусловленности, свобода эта была приобретена ценой обреченности на постоянное и тщетное восполнение нехватки бытия, которой был признан человек» [2, с. 24]. По Сартру, человек не поддается определению, так как он изначально ничего собой не представляет. Теперь суть человека не предопределена до факта его существования. Личность свободна, так как она ничто, она не имеет никакой природы, никакой определенной сущности. Люди осуждены быть свободными. Они — это всего лишь проект. Нам дано существование постольку, поскольку каждый человек должен существовать, чтобы иметь возможность совершать выбор. Человек каждый раз выбирает себя путем отрицания себя, как нечто завершенного, как того, чем мы были несколько минут назад. «Знакомство человека с собой антиномично: он не является данностью для себя ни в собственной сущности, ни в своем предназначении» [3, с. 65]. Индивид проектирует, «собирает» себя в каждый следующий момент, он еще незаконченное «строение». Человек открыт и пуст, он может быть каким угодно, отражать кого угодно, «но те, кто окружает его и в ком он отражается, столь же призрачны

и неопределенны, как он сам» [4, с. 259]. Стоит заметить, что, по Сартру, свобода проявляет себя наиболее полно в тревоге. Ситуация принятия самостоятельного решения воспринимается невероятно серьезным переживанием. Над человеком постоянно нависает угроза выбора, и каждый раз, выбора нового себя, иного, чем ты был прежде. Человек бесконечно осмысливает то, что он первейший источник всех возможностей. Вечное стремление быть тем, кем ты не являешься, ставит человеческое бытие в центр между двумя полюсами, а именно фактичностью и трансцендентностью. Получается, что человек не может оставаться самим собой, его в-себе бытие постоянно ускользает. Он сталкивается с постоянным ничтожением своего прошлого. Мы никак не можем устранить тревогу, бушующую внутри нас, мы сами эта тревога.

Проблема децентрации субъекта и недостаточности Я

Такой метод, как экзистенциальный анализ, представляет своей целью помощь человеку в научении существовать во внутреннем согласии с собственными переживаниями, действиями и своим бытием. По замечанию Карла Ясперса, уход в болезнь дарует человеку мнимое воплощение того необходимого, что в эмпирической действительности осуществить не удалось. Получение психологической травмы меняет ориентиры внутренней жизни человека. Теперь все свои силы он будет тратить на подавление хаоса, что бушует внутри, за чем могут последовать и физические реакции организма. Многочисленные же способы борьбы с травматическим опытом направлены на десенсибилизацию, т. е. уменьшение чувствительности к болезненным переживаниям из прошлого. Исследования в области неврологии подтверждают, что у пациентов в попытках справиться с нахлынувшим на них ужасом отключаются участки мозга, которые отвечают за передачу чувств и эмоций, сопровождающих страх. Однако эти же участки отвечают за всю полноту эмоционального спектра, так люди полностью лишались возможности чувствовать себя полноценными и живыми. В результате человек может терять связь с самим собой. Французский психолог Пьер Жане, вводя термин «диссоциация» в своих исследованиях, трактовал ее как процесс расщепления и изоляции воспоминаний. Ввиду отсутствия у пациентов возможности интегрировать травму в свой наличный опыт, их личность теряет способность усваивать новый опыт, прекращая развитие. Диссоциация мешает драматическому событию стать частью воспоминаний человека, формируя двойную систему, где разные мысли, эмоции и ощущения хранятся в разных местах, не позволяя сплетаться прошлому и настоящему в единую и непрерывную историю. В свою очередь, утрату переживаний реаль-

ности себя или окружающего мира принято в медицинских кругах подразделять на деперсонализацию и дереализацию. Специалист в области философии психиатрии Е. В. Косилова замечает, что «клинические наблюдения говорят, что эти синдромы чаще всего встречаются вместе. То есть чувство реальности внешнего мира пропадает вместе с чувством реальности Я. Лично я [Е. В. Косилова] склонна полагать, что это, в общем то, один и тот же симптом – просто утрата переживания реальности чего бы то ни было. Говоря упрощенно, потеря реальности Я приводит к потере реальности бытия, а потеря реальности бытия – к потере реальности того мира, в котором происходит это бытие» [5, с. 142].

Способность переживать окружающий мир как реальное или собственное бытие как реальное – это та особенность, которой здоровые люди просто наделены и не задумываются о ней. В данном случае можно обратиться к словам шотландского психиатра Рональда Лэйнга: «Если, к примеру, человек говорит, что он “нереален”, и если он не врет, не шутит и как-то тонко не затемняет смысл сказанного, нет сомнения, что он будет рассматриваться как заблуждающийся. Но – экзистенциально – что означает данное заблуждение? На самом деле он не шутит и не притворяется. Наоборот, он продолжает говорить, что в течение многих лет притворялся, что он реален, но больше не может поддерживать этот обман. Всю свою жизнь он разрывался между желанием раскрыть себя и желанием себя скрыть» [6, с. 45]. Становясь отрезанной от себя самой, от мира, экзистенция не находит способов и средств понимания себя. Человек начинает существовать в модусе тревоги и страха, однако встречи с ними избежать все равно не получится. В данном случае экзистенции нужно предотвратить впадение в ограниченность и уплощение, предотвратить ««сползание» из крайне подвижного, крайне скоротечного мира в чрезвычайно ригидный, аморфный мир, где экзистенция больше не может понять себя исходя из чего-либо «нового», а только из увядания и упадка привычного и знакомого» [7, с. 138].

Для швейцарского психиатра Людвиг Бинсвангера подобное отсутствие возможности самопроектирования, существования не «впереди-себя», а в привычном и знакомом прошлом означает прекращение развития личности. Тревога угрожает непосредственно ядру личности, страх стать «ничем» неотделим от бытия человека. Подобную тревогу мы можем назвать «базисной», однако попытки ее избежать из-за боязни пустоты становятся качеством невротической личности. Там, где у здорового человека испытывается страх, ощущается угроза, но находятся силы противостоять обстоятельствам, у некоторых начинает разрушаться и видоизменяться восприятие себя и (или) окружающего мира. Индивид может

начать создавать целую систему «ложных Я». С одной стороны, человек начинает ощущать определенный контроль над ситуацией, отстраненность от «небезопасного». С другой же стороны, Я оказывается изолировано от внешнего опыта, тем самым обедняя свой собственный внутренний мир. Однако так и остается открытым вопрос, почему для одних разрушается «онтологическая безопасность», а другие находят силы с ней справиться? Попытки путем изоляции защитить себя оказываются для многих фатальными. «Трагический парадокс заключается в том, что, чем больше усилий защиты Я на этом пути, тем больше оно разрушается. Последующее явное разрушение и растворение Я в шизофреническом состоянии совершается не из-за атак врага извне (действительных или предполагаемых), но из-за опустошения, вызванного самими защитными маневрами» [6, с. 79]. Боясь за поглощение окружающим миром собственного Я, личность все больше погружается в созданные ею самой четкие и очерченные границы, тем самым постепенно расщепляя себя. Одной из ярких черт переживания деперсонализации является ощущения пустоты, наполнение ею существования, впадение в нее. Человек располагается между двумя безднами, что представляют собой бесконечность и небытие, пытаясь заполнить это пространство. Индивид не просто начинает ощущать себя в этой пустоте, он чувствует, что он и есть пустота. Нет возможности существовать, нет возможности умереть. Подобное состояние блокирует само существование, оставляя лишь наличность. У человека больше не получается взаимодействовать с миром, быть-в-мире. Останавливается проектирование будущего, становление, ориентир же теперь выставляется на прошлое.

Онтологический антиномизм и проблема коммуникации

Карл Ясперс с необходимостью указывает на то, что в обычной жизни мы, как правило, не замечаем единство нашей психической жизни, наших мыслей, чувств, что все эти проявления принадлежат мне собственному. Бредовая же идея формируется из содержания мира, который этой идеей для больного и создается. Поведение больных начинает подчиняться основному смыслу их бредовой идеи. Человек, пребывая в постоянном напряжении, контролируя границы своей реальности, видит окружающий его мир враждебным. Вещи как они есть сами по себе перестают существовать, имея только даруемый им смысл, теряя свойственные им богатство и краску. Мир разрушается. По завету Гегеля мы можем заметить, что личность тождественна своему миру. Перед человеком возникают бесконечное количество возможностей открыться миру или отречься от реальности. «Добровольная изоляция «Я» в конечном счете

должна быть понята как нечто ложное, поскольку за ней непременно следуют самообман и ограниченность. Самоизоляция от конкретной действительности – это, по существу, самоизоляция от фундаментальных основ бытия, проявляющих себя через эту самую конкретную действительность» [1, с. 401]. Встреча с реальностью оборачивается борьбой, которая может сводиться к бегству или самообману. Здоровый личностный мир характеризуется Ясперсом как взаимный, удовлетворяющий, приумножающий ценности и развитие человека. Экзистенциальный взгляд на человека рисует его не изолированным, а вовлеченным в диалог как с внутренним, так и с внешним миром. Для собственного наполнения человеку необходим окружающий его мир и другой.

Карл Ясперс указывает на соединяющую и терапевтическую роль коммуникации. Во время нее наш собственный разум проникает в экзистенцию другого человека, а его разум – в мою. Человек существует всегда связью с другими людьми, а человеческое бытие – всегда «бытие с другими». Карл Ясперс видит выход из бездуховного положения человека в обретении людьми подлинного бытия, в прояснении собственной экзистенции и постижении абсолютно бытия. В этом человеку помогают пограничные ситуации, которые открывают ему путь к созданию и укреплению экзистенциальной коммуникации, что способствует осознанию ценности и диалога с другим и самим собой.

Антипсихиатр Рональд Лэйнг замечал, что иное нестандартное мировосприятие формируется из-за онтологической незащищенности. Ощущение защищенности зарождается в раннем детстве. У человека появляется стабильная структура бытия, которая должна, однако, являться гибкой и пластичной. В состоянии патологии подобная система переворачивается, т. е. фундамент бытия является шатким и исключает плавных изменений, в данном случае речь скорее идет о жесткой и закрытой системе. У Лэйнга мы можем встретить выделение трех форм онтологической неуверенности: поглощение, разрывание, окаменение, т. е. страх близких отношений, боязнь быть узанным и постигнутым; переживание за вторжение внешнего мира в собственный очерченное пространство; опасение потерять субъективность. При этом желание избежать данных опасностей и сохранить собственную индивидуальность порождает отдаление от бытия-в-мире и погружение в пустоту и уничтожение Я. «Чем больше человек пытается сохранить свою автономию и индивидуальность, сводя на нет человеческую индивидуальность другого, тем больше ощущается необходимость продолжать это делать, поскольку с каждым отрицанием онтологического статуса другой личности уменьшается собственная онтологическая безопасность, угроза для

«я» со стороны другого усиливается, и, следовательно, ее приходится отвергать еще более отчаянно» [6, с. 67]. Избегая небытие человек, попадает в порочный круг, начиная избегать бытие. Само внутреннее Я начинает превращаться в нереальное, расщепленное. Наполненный же сложным содержанием мир «здорового человека» по мнению представителя экзистенциально-феноменологической психиатрии Людвига Бинсвангера не может разрушиться, так как ввиду потери опоры в одной части, другая перенимает ее функцию. «Таким образом, вполне естественно, что, если «мир», как в этом случае и других ему подобных, полностью детерминирован одной или несколькими категориями, угроза их сохранности приводит к усилению тревоги. Фобия всегда представляет собой попытку защиты, сохранения ограниченного, скудного «мира», тогда как тревога является выражением потери этой защиты, крушения «мира», и, таким образом, движения экзистенции к ничто, к невыносимому, всепоглощающему, «неприкрытому ужасу»» [7, с. 20].

Если мы обратимся к немецкому философу Мартину Хайдеггеру, то сможем заметить, что подлинное существование связано прежде всего с будущим, с трансцендированием. Так, и перениматель, в каком-то смысле, идей Хайдеггера Бинсвангер замечал, что многие его пациенты отказывались от проектирования будущего и становления в пользу статичного и законченного. Неподлинность бытия в данном случае становится результатом отсутствия свободного выбора и ответственности за него. Человек балансирует между отсутствием решительных действий и импульсивных поступков. «Смысловая матрица» человека становится ограниченной одним определенным аспектом, сужая возможности экзистенции, что и становится по Бинсвангеру причиной невротических симптомов. Задача врача будет состоять в данном случае в расширении горизонтов возможного видения пациента. Подлинное бытие основано на стремлении обнаружить свою собственную связь с бытием, ощутить коммуникацию с ним. При наличии же патологии взаимосвязь с миром нарушена, что сказывается на существовании человека, оно больше не может развертывать себя в потенции. У Я прекращается развитие и становление. Оно начинает ощущать себя недостаточным. В состоянии болезни «существование само по себе не является независимым, оно постоянно становится жертвой требований, желаний и ожиданий других. Тяжесть симптомов меняется в зависимости от степени провала его существования как мировой открытости, в свете которой все схваченное может раскрыться и сняться далее в его целостном смысле и содержании» [8, с. 209–210].

Итак, мы можем заметить, что представители экзистенциального направления в философии и затем

в психиатрии положили начало изучению человека как существа, который имеет проблему с осуществлением собственного бытия. Ключевым становится вопрос о взаимосвязи человека с фундаментальными основами бытия, избегание которых или же усредненное отношение к которым, влечет за собой указание на недостаточность Я.

Проведенное исследование дало возможность прийти к следующим выводам. В рамках экзистенциально-феноменологической традиции человек всегда представляется как нечто иное нежели совокупность тех или иных качеств. Отсутствие же четкого плана существования и непрерывный процесс собственного формирования ставит исследователей перед тем фактом, что человеческое в-себе-бытие постоянно ускользает, ничтожа прошлое и создавая себя в каждый следующий момент. При этом указывается, что модусы тревоги, страха и ужаса остаются неотделимыми от сущности человека. Из-за этого необходимым оказывается предотвращение впадения в ограниченность и уплощения в попытках защитить себя.

Становится необходимым отметить, целостность не является характерным признаком человека, наоборот, его существование разорвано и фрагментарно. Как замечал Г. Гессе, «в действительности же любое “я”, даже самое наивное, – это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей. А что каждый в отдельности стремится смотреть на этот хаос как на единство и говорит о своем «я» как о чем-то простом <...>, то этот обман есть, по-видимому, такая же необходимость, такое же требование жизни, как дыхание и пища» [9, с. 73–74]. Человек расщеплен в глубине своей сущности, ему постоянно приходится противопоставлять себя себе. Целостность не дана человеку как его основа или фундамент. Она становится мучительным процессом обретения относительной устойчивости. Это вечное усилие обретения себя.

Карл Ясперс высказывал мысль, что на пути постижения человека стоят несколько неизведанных вопросов: о его бесконечности, его индивидуальной неповторимости, необъективированности. Так, исследователи, как и сама личность, могут лишь структурировать имеющиеся знание и проложить возможные маршруты на пути понимания природы человека, однако полного и всеобъемлющего знания получить невозможно. Так, возникает вывод, что обращение к индивиду в процессе терапии или коммуникации через опредмечивание, «технические маневры» не даруют человеку здоровье, но скорее окончательно его «отполируют».

Можно сделать вывод, что человек, по мнению представителей экзистенциальной философии и

экзистенциально-феноменологической психиатрии, являет собой нечто большее чем те или иные характеристики, которые ему можно было бы дать в рамках научного подхода. Находясь в непрерывном становлении и формировании себя, индивид балансирует между желанием достичь внутреннего согласия и необходимостью коммуникации с внешним миром, между желанием очертить свой мир и, тем самым, постараться его сберечь и научением быть гибким и открытым для возможного воздействия со стороны и, как следствия, внутриличностного развития.

Основными представителями экзистенциально-феноменологической школы делается вывод о том, что подлинное бытие зиждется на обнаружении связи и коммуникации с бытием. Таким образом, отмечается, что подлинная коммуникация – важнейшее звено в «здоровой» жизни человека. Коммуникация обогащает и наполняет внутреннее содержание индивида. Она предстает как способ человеческого существования, так и его целью. Получается, что движущим принципом экзистенциально-феноменологической традиции становится обращение к важности коммуникации. Характеристиками подобного принципа становятся: ориентация на непосредственный опыт самого пациента; отрицание сведения лечения только лишь к теориям; постулирование внимания к бытию-в-мире и бытию-с-другим. Диалог становится ключевым фактором для приближения к проживанию и пониманию опыта другого. Подобное лечение способствует человеку восстановить контакт с реальностью и с окружающими людьми и, конечно, с самим собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Общая психопатология. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2020. 1056 с.
2. Захарова Е. В. Философия Ж.-П. Сартра : проект самодостаточного человека // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 3. С. 24–33.
3. Цыпина Л. В. Отступники разума : Паскаль, Кьеркегор и диалектический парадокс человеческого существования // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Серия 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 2. С. 63–72.
4. Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М. : Новое лит. обозрение, 2021. 320 с.
5. Косилова Е. В. Психиатрия : опыт философского анализа : монография. М. : Проспект, 2014. 272 с.
6. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». М. : АСТ, 2021. 288 с.
7. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М. : Ин-т общегуманит. исследований, 2014. 272 с.
8. Boss M. Psychoanalysis and Daseinsanalysis / trans. L. B. Lefebre. N.Y. : Basic Books, 1963. 295 p.
9. Гессе Г. Степной волк. М. : АСТ, 2021. 288 с.

Санкт-Петербургский государственный университет

Шамаева В. В., инженер-исследователь, Институт философии

E-mail: viola_shamaeva00@mail.ru

Saint Petersburg State University

Shamaeva V. V., Engineer-researcher, Institute of Philosophy

E-mail: viola_shamaeva00@mail.ru